

Ночь опустилась на Павильон священных книг ордена Цинсяо.

Восемнадцатизэтажный павильон возвышался на боковом пике: резные деревянные балки, изысканная глазурованная черепица и бронзовые колокольчики величиной с кулак, закреплённые на изогнутых карнизах, которые звонко перекликивались от малейшего дуновения ветра.

Обитель Лю Чжая располагалась на первом этаже — совсем крошечная спальня. Войдя к себе, он снял маленькие одеяния, аккуратно повесил их на вешалку и лёг в постель.

Вскоре в комнате раздалось мерное дыхание.

Тень стремительно промчалась сквозь лесную чащу на склоне и проскользнула в открытое окно.

На подоконник опустился чёрный ворон. Из рта птицы раздался голос Бошэ:

— Хозяин, это же орден Цинсяо! Здесь полно могущественных бессмертных мастеров, нам совсем не стоит устраивать беспорядки.

Мо Яньхань сидел на потолочной балке, горящим взглядом уставившись на свернувшегося под одеялом Лю Чжая. Этот малыш с короткими ручками и ножками выглядел эдаким пухляшом — съесть его было бы невероятно питательно.

— Он не человек, а дух. Судя по всему, за его плечами несколько тысяч лет культивации, — Мо Яньхань вытащил из-за спины длинную саблю. В лунном свете её лезвие отозвалось леденящим отблеском, от которого бросало в дрожь.

Поняв, что отговорить господина не удастся, Бошэ со вздохом подчинился. Скрепя сердце, он вырвал у себя перо и бросил его на пол.

В то же мгновение половицы гулко загудели. На них вспыхнули бесчисленные золотые руны, сплетшиеся в сияющий круглый барьер. Формация переливалась ярким светом, надёжно защищая спящего на кровати духа.

— Излюбленная уловка бессмертных заклинателей, — произнёс Бошэ. — Даже если мы сумеем пробить защиту, шум неизбежно привлечёт посторонних.

Поглаживая лезвие сабли, Мо Яньхань задумался. Если не касаться ногами пола и поразить Лю Чжая прямо из воздуха, защитный барьер удастся обойти.

Он зацепился ногами за балку, завис вниз головой и замахнулся длинной саблей.

Холодный отблеск мелькнул в темноте, но кончик лезвия остановился у самого кончика носа спящего малыша.

Мо Яньхань замер, попытался тянуться изо всех сил, но достиг предела — как бы он ни старался, опустить саблю ниже не удавалось.

Бошэ сокрушенно качнул головой:

— Это тысячелетний дух, обычное артефактное оружие его не пробьёт. Из всего нашего оружия его может одолеть только Сабля Закалки Душ, но ей банально не хватает длины.

Мо Яньхань досадно нахмурился, подтянулся обратно на балку и уселся, обдумывая положение. Внезапно он хлопнул себя по колену:

— Придумал!

Едва занялся рассвет, Шэнь Хуайцзюнь собрал перед медным зеркалом иссиня-чёрные волосы в простой узел, накинул верхнее платье и прошёл в кабинет.

Комната сохранила убранство двадцатилетней давности — чистая, изысканная, с клубящимся из бронзовой курильницы в виде цилиндра дымом. Сегодня в ней воскуряли сандал.

Подойдя к окну, бессмертный расправил прижатый пресс-папье лист бумаги, обмакнул кисть в чернила и вывел слова «Старший брат», после чего замер в замешательстве.

В конце концов, аура Владыки призраков промелькнула лишь на мгновение, не вызвав никаких бедствий. Старший ученик целыми днями пропадал в разъездах, трудясь над составлением книг. Если произошедшее окажется лишь недоразумением, брату придётся мчаться назад впустую.

Быть может... ауру Владыки призраков просто занесло вместе с теневым стражем из Земель призраков?

Пока он размышлял над этим, дверь внезапно распахнулась. На пороге появился Яньхань. Шэнь Хуайцзюнь уже собирался с улыбкой спросить, как юноше спалось, но тот с ходу влетел в комнату:

— Бессмертный господин, я хочу одолжить Цзинфэн!

Шэнь Хуайцзюнь опешил. С тех пор как он бросился в Пруд Уничтожения Бессмертных, его Цзинфэн уменьшился до размеров фаланги пальца и висел у него на шее. Потеряв всю свою культивацию, Шэнь Хуайцзюнь потратил бы слишком много духовного восприятия, чтобы вернуть меч прежний вид, а потому пока не трогал его.

Но что стряслось с Яньханем? Зачем обычному юноше понадобился Цзинфэн?

— Назови причину, — терпеливо попросил Шэнь Хуайцзюнь.

Мо Яньхань издал невнятный звук и замер на месте, явно не намереваясь объясняться.

— Каждому известно, что Цзинфэн — мой духовный меч жизненной силы. Если ты заберёшь его и оставишь на месте убийства, виновным признают меня, — неторопливо разъяснил Шэнь Хуайцзюнь. — Если тебе правда невтерпёж, я могу одолжить его, но ты обязан рассказать, в чём дело.

Духовный меч жизненной силы — всё равно что второе «я», его важность не подлежала сомнению.

Мо Яньхань виновато отвёл взгляд на книжную полку, поразмыслил секунду и отступил на шаг:

— Тогда не надо.

Едва он занёс ногу над порогом, дверь перед ним захлопнулась сама собой, а за спиной раздался спокойный голос Шэнь Хуайцзюня:

— Яньхань, я привёл тебя на эту гору, а значит, отвечаю за каждый твой шаг. Даже если ты передумал брать меч, ты всё равно должен назвать мне причину.

Шэнь Хуайцзюнь мягко добавил:

— Расскажи мне, зачем тебе Цзинфэн?

В груди Мо Яньханя вспыхнула ярость. «Я — великий Владыка призраков! С какой стати я должен отчитываться перед тобой за каждый свой чих?!» Он уже поднял голову, намереваясь вспылить, но снова столкнулся с болезненным, бледным лицом заклинателя.

Трава Висящего Инея немного уняла боль в его теле, избавив от ночных пробуждений, однако тяжёлый вред духовным каналам никуда не делся — Шэнь Хуайцзюнь оставался крайне слаб.

«Ладно, проехали».

Если он снова начнёт перечить, этот человек опять закашляется кровью, Трава Висящего Инея пойдёт насмарку, и план по его откармливанию отодвинется на неопределённый срок.

Мо Яньхань забежал глазами, неохотно шаркнул обувью по деревянному полу и с сомнением пробормотал:

— В общем... тот вчерашний тысячелетний дух. Я хотел изрубить его и сварить тебе бульон, чтобы ты набрался сил.

Он выложил это с абсолютной уверенностью, будто речь шла о том, чтобы пойти на огород и выдернуть редьку.

Шэнь Хуайцзюнь резко встал, да так, что кисть выпала из его пальцев прямо на письмо:

— Ты... ты действительно его изрубил?!

— Нет, я как раз собирался одолжить твой Цзинфэн, чтобы изрубить.

—...

Шэнь Хуайцзюнь судорожно перевёл дыхание и бессильно опустился обратно в кресло, тяжело дыша, словно только что вернулся с поля боя, где чудом избежал гибели. Проведя ладонью по лбу, он обнаружил, что тот покрылся холодным потом.

— Ну и что такого случится, если изрубить, — не сдаваясь, забубнил Мо Яньхань.

Шэнь Хуайцзюнь лишь беспомощно усмехнулся. Неторопливо подойдя к юноше, он слегка коснулся пальцем его лба:

— Хоть ты и не смог бы с ним сладить, но, к счастью, ты даже не попытался его ранить. Яньхань, ты хоть понимаешь? Если бы ты действительно его зарезал, то по возвращении почтенного Линсю этот старик зарезал бы уже меня и отправил в котёл тушиться.

Мо Яньхань похлопал глазами и глубокомысленно протянул: «О-о-о». Выходит, этот дух представлял немалую ценность.

— Павильону священных книг ордена Цинсяо исполнилось три тысячи двести пятьдесят пять лет. Тысячу лет назад в нём породился дух — Лю Чжай. Он возник из самого Павильона, обладает колоссальными познаниями и ведает обо всём от древности до наших дней. Не только

ученики Цинсяо, но и старейшины всего мира совершенствования относятся к нему с глубочайшим почтением, — объяснил Шэнь Хуайцзюнь.

Мо Яньхань мысленно пожалел об упущенном. Раз уж тот порождён книжным павильоном, целебных свойств в его мясе, скорее всего, всё равно кот наплакал.

— Ладно, не буду я его рубить, — выпятив грудь, пообещал Мо Яньхань.

— Правда?

— Моё слово стоит тысячи лянов золота: сказал, что не трону, значит, не трону.

— Хорошо, — Шэнь Хуайцзюнь наконец перевёл дух.

Яньхань казался обычным человеком, пускай и со скрытыми артефактами. Заклинатель опасался, как бы юноша, попытавшись напасть на Лю Чжая, сам не получил от него жестокий урок.

Вот только...

Шэнь Хуайцзюнь задумчиво перевёл взгляд на белоснежный профиль юноши. Такой милый, чистый юноша при виде тысячелетнего духа первым делом захотел пустить того на лекарственный отвар — помысел далеко не самый благочестивый.

Опустив ладонь на плечо собравшегося было уходить юноши, он тихо спросил:

— Ты... в последнее время не чувствуешь жара в сердце?

От этого прикосновения Мо Яньхань обомлел. Его обдало свежим ароматом зелёного бамбука, смешанным с утренним теплом, отчего у него закружилась голова. Сердце заколотилось как сумасшедшее, а губы пересохли, точно у вытащенной на берег рыбы.

— Н-нет вроде? — на автомате возразил он, однако длинные пальцы заклинателя опустились ему на грудь и слегка надавили. Бешеный стук сердца уже выдал его с потрохами.

— Тебе очень хочется убивать? Скучаешь по виду крови? — мягко, словно наставляющий ученика наставник, спросил Шэнь Хуайцзюнь.

Сердце Мо Яньханя колотилось словно боевой барабан, горло перехватило, и он не смог вымолвить ни слова, лишь одеревянно качнул головой.

Впрочем, симптомы совпадали лишь отчасти: жажда убийства жила в нём с самого первого дня, как сформировалось его сердце призрака.

Шэнь Хуайцзюнь тяжело вздохнул, разжал пальцы, вернулся к столу и снова обмакнул кисть в чернила.

«Старший брат! Дело, касающееся Владыки призраков, требует срочного обсуждения. Прошу тебя вернуться как можно скорее».

Закончив письмо, он выставил лист за окно и слегка коснулся бумаги. На обороте послания тут же проявился талисман полёта, у письма выросла пара серебряных крыльев, и оно с шелестом устремилось в небесную высь.

Шэнь Хуайцзюнь повернулся и взял юношу за руку:

— Пойдём, я прогуляюсь с тобой до бамбуковой рощи.

Бедное сердце Мо Яньхана только-только улеглось, но от этого прикосновения забилось с новой силой. Ничего не поделать — пришлось послушно поплестись следом.

Орден Цинсяо единолично владел двадцатью четырьмя горными пиками, но лишь на пяти из них возвышались павильоны и беседки, используемые для жизни. Задняя же часть гор представляла собой дремучие, малолюдные леса, куда ученики отправлялись для медитаций.

Гао Линъяо, получив утром известие, спешно вернулся в орден. Оставлять занятия было нельзя, поэтому он вместе с другими учениками отправился вдоль горной тропы на поиски уединённого места для практики. Незаметно для себя они пришли к бамбуковой роще.

— Истинный господин Линъяо, вы ведь искали долинный ручей, почему же мы пришли в бамбуковую рощу? — поинтересовался один из учеников.

Гао Линъяо остановился и опустил взгляд. Они и впрямь забрели в бамбуковые заросли. С тех пор как он получил весть от Шэнь Хуайцзюня, мысли его витали далеко отсюда, отчего он сбился с привычной дороги.

— Раз уж пришли сюда, доверимся судьбе. Сегодня будем медитировать в бамбуковой роще, — произнёс Гао Линъяо.

Следовавшие за ним ученики не посмели перечить и тут же рассредоточились в поисках беседок.

Внезапно неподалёку раздались голоса. По неизвестной причине Гао Линъяо они показались знакомыми, и он замер, вслушиваясь.

— Закрой глаза, освободи разум и тело. Сделай мягкий вдох, затем такой же плавный выдох... Почувствуй, как дыхание зелёных бамбуковых листьев проникает от кончика носа к лбу и сгущается в зелёную духовную пилюлю.

Голос звучал утончённо и мягко, словно говорил благородный муж, однако вслед за этим раздалось юношеское ворчание:

— Спать хочу, не буду тренироваться.

— Будь умницей. Позанимаешься полчаса — дам кунжутную сладость.

Несколько учеников сгрудились подле Гао Линъяо, пытаясь определить, откуда доносится разговор:

— Истинный господин, я сейчас же пойду и прогоню их, чтобы нам не мешали.

— Не нужно, — с холодным лицом качнул головой Гао Линъяо и направился на звук.

Тем временем Мо Яньхань изо всех сил продолжал бороться за свою свободу.

— Не хочу я учиться! Я пришёл сюда развлекаться, а не какие-то техники зубрить! — протестовал он, сжав кулачки.

— Этот метод помогает изгнать дурные мысли. Мы не учим сложные техники, просто слегка разминаемся, — уговорами ласкал его Шэнь Хуайцзюнь.

— Не буду! Не хочу!

Пока Мо Яньхань отстаивал своё право на прохладение, из густых зарослей вышагнул заклинатель. Пурпурное одеяние, золотой венец, белое, словно нефрит, лицо — от него так и веяло изысканным благородством.

— Это Заклинание Очищения Сердца, обязательный урок для новоприбывших учеников, — одарил он Мо Яньханя своей привычной светской улыбкой. — Похоже, бессмертный господин Шэнь решил взять тебя в ученики?

Затем Гао Линъяо повернулся к Шэнь Хуайцзюню и отвесил ему глубокий поклон:

— Гао Линъяо приветствует бессмертного господина Шэня.

Шэнь Хуайцзюнь замёрз на мгновение и медленно обернулся.

Стоявший перед ним молодой Истинный господин сиял под палящим солнцем богатым пурпурно-золотым платьем, расписанным священными талисманами. Дорогой золотой венец и исполненная достоинства осанка — ничто в нём больше не напоминало того побочного сына семьи Гао, что когда-то в простой одежде и с деревянной шпилькой в волосах трепетно стоял перед его залом.

Побочный сын семьи Гао сложил ладони и, подняв голову, спросил:

— Бессмертный господин Шэнь взял нового ученика?

Тон его оставался спокойным и светским. Если бы рядом оказался посторонний, он ни за что не поверил бы, что когда-то Гао Линъяо рыдал навзрыд, лишь бы уйти от Шэнь Хуайцзюня.

Шэнь Хуайцзюнь отогнал воспоминания:

— Нет.

Уголки губ Гао Линъяо едва заметно приподнялись, но тут же опустились:

— Раз уж вам выпала такая судьба, господин вполне может оставить его себе — орден Цинсяо в состоянии прокормить ещё одного человека. Судя по всему, вы обучаете Заклинанию Очищения Сердца? Я бы тоже с удовольствием послушал ваши глубокие суждения об этих базовых техниках.

В его облике сквозила уверенность. Хотя в своё время он изо всех сил стремился стать учеником Бай Шэна, Шэнь Хуайцзюнь всегда позволял ему присутствовать на своих занятиях. Понимание техник у Бай Шэна было поверхностным, и все эти годы Гао Линъяо продолжал вникать в учения Шэнь Хуайцзюня.

Он ожидал, что в следующее мгновение на лице Шэнь Хуайцзюня мелькнёт неловкость, но тот всё же снизойдёт до пояснений. Однако на этот раз заклинатель лишь поднял голову и обдал его ледяным взглядом:

— Гао Линъяо, ты переходишь границы, — отстранённо произнёс Шэнь Хуайцзюнь. — Если есть вопросы, забей ими голову Бай Шэну. Он твой учитель.

Гао Линъяо застыл, точно его окатили ушатом ледяной воды. Он хотел спросить «почему?», но Шэнь Хуайцзюнь был прав: у него больше нет права слушать его наставления.

Лишь спустя долгое время он очнулся под окликами своих учеников и покорно ушёл.

— Наконец-то ушёл. Разговоры с ним отнимают слишком много сил, — как бы между прочим роздался голос Шэнь Хуайцзюня.

Он поднял белоснежную ладонь и сорвал с ветки нежный бамбуковый листок. Такие листья обладали самым свежим ароматом и лучше всего подходили для успокоения разума.

Мо Яньхань провожал спину Гао Линъяо горящим взглядом:

— Какое... какое красивое сердце! Внутри кишат белые мохнатые черви. Какая красота, совсем как цветы в Землях призраков!

Рука Шэнь Хуайцзюня замерла. Он обернулся:

— О чём ты? В сердце Гао Линъяо черви?

Мо Яньхань уверенно кивнул:

— Правда, в его груди гнездятся белые опарыши.

И он мог поклясться: это сердце ничем не отличалось от того, что было двести лет назад — такое же сгнившее, грязное, источающее зловонный гной.

Шэнь Хуайцзюнь не стал придавать этому значения, посчитав, что юноша просто невзлюбил Гао Линъяо и ругает его от досады.

— Держи, — он протянул свежий бамбуковый листок юноше. — Скорее занимайся, это отлично помогает изгнать призрачную цзи из твоего тела.

Услышав это, Мо Яньхань мгновенно вспыхнул, отбежал к соседнему бамбуку и сердито закричал:

— НЕ! БУ! ДУ!